

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

НИКОЛАЙ
НОВГОРДОВ

МАКЕДОНСКОГО РАЗБИЛИ РУСЫ

ВОСТОЧНЫЙ ПОХОД
ВЕЛИКОГО ПОЛКОВОДЦА

Николай Сергеевич Новгородов Македонского разбили русы. Восточный поход Великого полководца

Серия «Исторические открытия»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11774082

*Николай Новгородов. Македонского разбили русы. Восточный поход
Великого полководца: ТД Алгоритм; Москва; 2015
ISBN 978-5-906798-31-2*

Аннотация

Маршрут армии Александра Македонского на завершающем этапе его Восточного похода представляет собой величайшую историко-географическую загадку. Непозволительно низкое солнце над горизонтом в полдень, морозы, снега и другие физико-географические реалии свидетельствуют о том, что Александр воевал в Сибири, а не в Индии. И воевал он, утверждает автор, со славяно-русами, которые называли его Тугарином Змеевичем.

Наши предки разгромили агрессора – из 135-тысячного войска уцелело лишь 30 тысяч. В качестве контрибуции разоруженная армия греков и македонцев построила в горах Путорана Медные ворота против гогов и магогов. В Сибирской Руси завоевателей

поразили величие и древность культуры: непрерывная генеалогия царей насчитывала 153 имени и длилась 6042 года, площадь городов достигала 45 квадратных километров, дополняли картину полное отсутствие рабства и поголовная грамотность при доступности писчего материала (бересты)...

Содержание

Предисловие	6
Введение	10
Глава 1. Восточный поход до гибели Дария	17
Страна, семья, детство	17
Александр как личность	34
Современная историография об Александре	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Николай Новгородов Македонского разбили русы. Восточный поход Великого полководца

© Новгородов Н.С., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Предисловие

Книга, которую читатель держит в руках, может крайне удивить своим названием. Со школьной скамьи все знают о завоеваниях Александра Македонского, даже о том, что он якобы дошел до священного Ганга. Сказать точнее, все слышаны об этом. Школьная история не добирается до деталей подобных событий, а в последующем мало у кого находится время на пристальное изучение античной истории. В сознании остается лишь представление о том, что Александр Македонский был великим завоевателем и в своем восточном походе дошел до пределов Индии. Но вот автор этой книги предлагает невероятную в своей неожиданности версию: Александр Македонский ходил в своем «восточном» походе не на восток, а на север, в Сибирь, до самого берега Ледовитого океана.

Оставим в стороне первый шок от столкновения с этой гипотезой и спросим: а есть ли у автора книги сколько-нибудь серьезные основания для такого суждения о походе Александра Великого? Оказывается, они есть и к ним можно прислушаться. Первое обстоятельство, пусть и не самое сильное, заключается в противоречивости и неясности многих сведений о великом походе. Такое положение всегда дает почву для новых догадок и гипотез. Но гипотезы могут быть различными, в то время как Н. С. Новгородов упорно и последо-

вательно развивает только одну: направление похода Александра Великого было северным. Действительно, в описаниях похода есть факты, которые просто несовместимы с чисто восточным направлением. Историки свидетельствуют о том, что Александр проходил по льду весьма широкой и замерзшей реки. Есть рассказы о том, что его воинам пришлось страдать от холодов, не свойственных южным широтам, причем терпеть эти холода именно на равнине, а не в горах. Есть недвусмысленные свидетельства, что Александру пришлось столкнуться со славянскими племенами и вступить с ними в вооруженную борьбу и т. п.

В конце концов, вопрос о направлении похода Александра мог бы быть бесспорно решен, если восстановить его перемещения по описаниям географических пунктов, в которых он находился в то или иное время. Казалось бы, трудно перепутать названия таких рек, как Инд и Обь. Но автор книги показывает, что есть большие трудности с восстановлением древней топонимики. Древние не могли иметь тех точных географических представлений, которыми мы располагаем сегодня. Более того, и на этом настаивает автор книги, в силу ограниченности географических знаний античные авторы могли перенести названия одних географических объектов на другие, как это бывает, когда вместо одной местности попадаешь в другую, но сохраняешь при этом уверенность, что ты находишься там, где предполагал быть.

Есть в книге и предположения, с которыми читателю бу-

дет трудно согласиться, например, утверждение, что Александр стремился к источникам древнего сакрального знания. В то же время защищаемая автором гипотеза, которая с точки зрения академической науки представляется фантастичной, имеет право на жизнь и внимательное рассмотрение. Среди аргументов, используемых автором, не последнее место занимают мотивы, двигавшие Александром. Для людей греко-римской цивилизации, будь то философы, литераторы, риторы, политики или полководцы, характерно неумное честолюбие, желание совершить такое, чего не совершал никто. Известно, что у Александра Македонского было неумное честолюбивое желание охватить и завоевать весь мир до самого края ойкумены, используя мощь своей армии, пройти там, куда еще не ступала нога элина, так сказать, «узнать, а есть предел там, на краю земли, и можно ли раздвинуть горизонты?»

Но, пожалуй, самое неожиданное, что ждет нас, если гипотеза автора окажется правильной, это кардинальное изменение представлений о нашем прошлом и о возникновении начал государственной жизни у славян. Здесь гипотеза о сибирском походе Александра пересекается с концепцией «Сибирской прародины», представленной нашим автором в одноименной книге.

Во всяком случае, можно надеяться, что читатель не пожалеет о времени, потраченном на чтение книги.

*В. В. Чешев, профессор, доктор философских наук,
заведующий кафедрой философии
Томского государственного
архитектурно-строительного университета*

Введение

Александр, которого по праву называют Великим, стал царем Македонии в 336 году до н. э. в возрасте 20 лет. Его отец Филипп II создал могучую армию, завоевал греческие города-полисы и готовился к военному походу в Персию, но был убит в результате заговора. Дело отца продолжил Александр, осуществив в 334–324 гг. до н. э. свой знаменитый Восточный поход.

Он прошел Малую Азию, Сирию, Палестину, Египет, Месопотамию, Вавилон, Сузы, Персеполь, Экбатаны, Гекатомпил. Целью этого похода было завоевание *«всего мира до последнего моря»*, но главным врагом Александра был все-таки персидский царь Дарий III. Александр разгромил его огромную армию при Гавгамелах в 331 году до н. э., после чего Дарий бежал, а Александр гнал за ним. Наконец в 330 году до н. э. Дарий был предательски убит своими же приближенными. Александр узнал об этом близ «Каспийских ворот», у южного берега Каспия. Этот момент является рубежным в Восточном походе Александра. До него все передвижения македонского войска прослеживаются по литературным источникам однозначно, а после него начинаются откровенные географические и исторические несуразицы.

Эти несуразицы тем более странны, что в походе Александра сопровождали ученые греки, наиболее грамотные

люди того времени. Два секретаря, Эвмен из Кардии и Диодот из Эретрии, вели дневник ежедневных событий. Записки эти позднее стали известны как дорожный царский журнал, или эфемериды. Все расстояния между географическими пунктами измерялись шагами, для чего существовали два специальных человека – шагомеры. На главных дорогах они использовали мерный шнур. И тем не менее, по признанию автора «Истории древней географии» Дж. О. Томсона, *«детальные цифры продвижения Александра в этих местах (имеется в виду Индия. – Н. Н.) безнадежно противоречивы»* [64]. Противоречий этих много как между разными авторами, так и внутри авторских текстов.

Наблюдения ученых греков должны были прояснить географию Востока, а она вместо этого оказалась окончательно запутанной. Возьмем, например, индийские реки. У Арриана можно прочесть, что Акесин впадает в Инд, что Акесин – самый большой приток Гидаспа, что Гидасп впадает в Акесин, что Гидасп впадает в Инд и, наконец, что Гидасп двумя устьями впадает в Великое море. У Курция Руфа Акесин сливается с Гидаспом и впадает в Инд. Но у него же «Ганг перехватывает дорогу Акесина к морю и создает в месте его впадения неудобное устье с водоворотами». Юстин пишет, что Александр по Акесину доплыл до Океана, проплыл вдоль берега и вошел в устье Инда. Понятно, что на такой «географии» восстановить подлинный маршрут Александра весьма затруднительно.

Не случайно, видимо, согласно одному переводу Страбона с древнегреческого, Александр переходил некие горы с севера на юг, оставляя Индию справа, по другому переводу он переходил эти же горы с юга на север, при этом Индия у него все едино оставалась справа.

Доходит до того, что Александр приближается к Инду как бы с востока. Арриан пишет: *«Местности за рекой Индом к западу вплоть до реки Кофен заселяют племена...»* – и повторяет: *«...вот кто живет по ту сторону Инда к западу, вплоть до реки Кофен»*.

Кроме географических несуразиц в освещении Восточного похода масса исторических нелепиц. Например, Клит, собственноручно «замоченный» Александром на пиру в Самарканде, позже трижды участвует в боях на Инде и Гидаспе. Причем это, несомненно, тот самый Клит Черный, командир царской илы, всегда сражавшийся рядом с царем и спасший ему жизнь в первой битве с персами при Гранике. Современные историки, замечая это противоречие, вовсе не спешат прокомментировать его, потому что стоит за это взяться, как начнет рассыпаться вся конструкция Индийского похода. В этом случае получается, что после боев на Инде, после сплава по Инду к океану, Александр вновь заходил в Самарканд, а такое логично допустить лишь в том случае, если устье «Инда» располагалось куда как дальше Самарканда.

Но главная загадка в освещении Восточного похода Александра – это противоречие между Восточной и Западной

традициями в этом вопросе. Восточная традиция называется литературно-фольклорной, поэтической, Западная считается научной, исторической. Если верить поэтам и фольклору, путь Александра лежал через Индию, Китай, славянские и кыпчакские степи на Русь. С Русью он долго и безуспешно воевал, как-то не очень убедительно победил, тут же примирился и жаловал грамоту на вечное владение землей, которой славяне и до него успешно владели. Затем Александр по просьбе местных народов построил стену против злобных гогов и магогов, замуровав их в горе. Завершением его Восточного похода был выход в Северный Ледовитый океан и посещение Гиперборейской прародины. В Гиперборее, которую греки называли островами Блаженных, а русские – Макарийскими островами, Александр виделся с нагомудрецами-рахманами, что свидетельствует о том, что личной целью его похода были древние знания, хранившиеся в Прародине. Греки, у которых учился Александр, уверяли его, что гиперборейские знания неизмеримо превосходили знания других народов по объему и глубине.

Согласно Западной традиции, Александр «после Дария» дошел до Самарканда и два года «кувыркался» между Амударьей и Сырдарьей, подчиняя непокорных согдийцев. После этого он перешел Гиндукуш, повоевал индийские племена и спустился по Инду в Индийский океан. Отсюда он пешим порядком через пустыню отправился в Вавилон и на этом пути потерял три четверти своего непобедимого войска

— девяносто тысяч воинов.

Следует заметить, в науке никогда не обсуждался вопрос, какой традиции отдать предпочтение. Считалось, верить надо серьезным историкам, а не несерьезным и где-то даже легкомысленным поэтам. Однако внимательное прочтение античных историков Арриана, Квинта Курция Руфа, Диодора, Плутарха, Юстина и Страбона [7, 8, 23, 30, 31, 32, 49, 59, 75] совершенно недвусмысленно подтверждает правоту поэтов, а не историков в этом затянувшемся споре. И я думаю, это неслучайно, потому что поэты, по сути, являются народной совестью. Страбон по этому поводу говорил так: *«Нельзя стать хорошим поэтом, не сделавшись раньше хорошим человеком»*. Я бы добавил к этому: нельзя стать хорошим историком, не научившись хорошо врать.

В античных источниках содержится масса сведений о пребывании Александра в Сибири, о его войне с русами, о выходе к Северному Ледовитому океану и посещении города Тавала. Но при этом, в силу перепутанности последовательности событий в описаниях античных авторов, сибирский маршрут Александра восстанавливается с большим трудом и с большими пропусками. В устье реки, по которой он сплавился к океану и которую считал Индом, он обнаружил не дельту, а огромный морской залив, лиман. Зимую здесь, армия Александра жестоко страдала от холодов и сожгла большую часть кораблей. Приведенные античными авторами отношения высоты деревьев к длине отбрасываемой ими те-

ни в полдень, производившиеся учеными греками, сопровождавшими Александра, соответствуют широте 48° (южная граница Сибири) и 61° (Приполярье). Таким образом, его маршрут пролегал не по Индостану, а по Сибири. Здесь ему встречались венеды, которых греки называли индами, ари-маспы, серы, катаи и сабараки, все суть сибиряки.

Наибольшее сопротивление Александру в Сибири оказали наши далекие предки – древние русы. Мало того, используя традиционное климатическое оружие, они победили «непобедимого» завоевателя, принудили его закопать оружие и в качестве контрибуции заставили построить Медные ворота против гогов и магогов.

Александр, несомненно, был великим человеком, но его величие было соткано из противоречий. Он был велик как в благородстве, так и в низости. Большинство писавших об Александре как в древности, так и ныне, подчеркивали положительные черты характера Александра и замалчивали его низменные проступки. Так осуществлялось возвеличивание Александра, идеализация его образа.

Распознать подлинный образ Александра можно, угадав истинные мотивы его поведения. Что двигало им: стремление к славе, к власти над всем миром, или желание завоевать все золото Мира? А может быть, он стремился за Знаниями, хранившимися в Сферическом храме в Прародине? Ответа на эти вопросы нет до сих пор.

Цитаты в этой работе оформлены курсивом. Ссылки про-

нумерованы следующим образом: одна цифра означает номер работы в списке литературы; две цифры – номер работы и номер главы или страницы; три или четыре цифры означают номер работы, номер книги, номер главы, номер параграфа.

Глава 1. Восточный поход до гибели Дария

Страна, семья, детство

Македония, взрастившая такого гиганта, как Александр, незадолго до его рождения представляла собой крошечное государство на севере Балканского полуострова. К западу от Македонии проживали иллирийцы, восточнее – фракийцы, южнее – греки. Восточные равнинные районы Нижней Македонии были более развитыми, активно торговали с эллинскими городами-государствами и испытывали влияние греческой культуры. Западные горные области, называвшиеся Верхней Македонией, сохраняли пережитки родового строя и патриархальность быта. Население здесь занималось в основном отгонным скотоводством. Из жителей Верхней Македонии отец Александра Филипп преимущественно набирал пехотинцев в свою непобедимую армию.

Язык македонцев относился к индоевропейской семье. Македоняне легко понимали греческий язык, поэтому большинство языковедов считали язык древних македонцев греческим. Другие (проф. Гаврила Кацаров, д-р Ганчо Ценов) оспаривают этот тезис, утверждая, что он был болгарским.

Некоторые, однако, и в их числе замечательный русский историк Георгий Владимирович Вернадский, обращают внимание на то, что среди македонских племен было много таких, которые имели типично русские названия: поляне, смоляне, северяне [13, с. 314–315]. Это обстоятельство укрепляет позиции тех лингвистов, которые считали древнемакедонский язык славянским. Вместе с тем острота вопроса несколько снижается, если древний болгарский язык был изначально не тюркским, а индоевропейским, как это имело место у татар [43].

Александр III, названный позднее Великим, родился в гекатомбеоне (конец июня – июль) 356 г. до н. э. в столице Македонии Пелле. Его отец Филипп II, из рода древнемакедонского царя Карана, считал себя потомком Геракла, а мать Олимпиада, эпирская принцесса, выводила свой род от эллинского героя Ахилла. Самому Александру на Македонском троне предшествовал другой Александр, правивший почти 50 лет. Александр I (498–454 гг. до н. э.) в греко-персидских войнах (500–499 гг. до н. э.) выступал как союзник персов, несмотря на свою любовь к греческой культуре, за которую он был прозван «Филэллином».

После гибели первого Александра в Македонии царила вражда и разрозненность. К моменту провозглашения царем Филиппа II в 359 г. до н. э. Македония представляла собой раздробленный и захолустный край. За короткий срок Филипп преобразил Македонию в самое могущественное госу-

дарство Балканского полуострова. Юстин подчеркнул, что Филипп «создал из многих племен и народов единое царство и народ» [75, VIII, 6, 2].

Филипп получил греческое воспитание в Фивах, брал уроки философии у одного из учеников Платона. Шахермайр характеризует его как энергичного и предприимчивого царя, великого мастера политической игры. Он никогда не ставил на карту все ради победы и предпочитал развязывать узлы, а не рубить сплеча. Будучи блестящим психологом, Филипп искусно сглаживал все шероховатости, поддерживал друзей, склонял на свою сторону колеблющихся и таким образом обманывал противника. Ни один политик не владел до такой степени искусством применять принцип «разделяй и властвуй», не умел столь виртуозно использовать пропаганду, обман, отвлекающие маневры. Он ловко и гибко приспособлялся к ситуации, будучи то простодушным, то хитроумным, гуманным или жестоким, скромным или величественным, сдержанным или стремительным. Иногда Филипп делал вид, что отказался от своих намерений, но на деле просто ждал подходящего момента. Он мог казаться безучастным, но в действительности скрывал свои намерения. Он всегда точно рассчитывал действия противника, в то время как последний никогда не мог предугадать его планов. Все это сложное искусство дипломатии было совершенно чуждо натуре Александра, который вообще не признавал чужих государств, а следовательно, и дипломатических отношений с

ними. Он не желал действовать по принципу «Живи сам и давай жить другим». Александр хотел всех осчастливить, но на свой манер: все, что он сам считал наилучшим, должно было стать благом и для других. Для него существовал лишь один вид внешнеполитических отношений – безоговорочная капитуляция.

Дипломатической ловкости Филиппа соответствовали его внешняя привлекательность и личное обаяние. Он слыл светским человеком, остроумным и обходительным с женщинами, блистательным оратором. Шахермайр подчеркивает, что даже на пирах Филипп никогда не забывал о великих примирительных целях, служил им, добиваясь их разрешения, отличаясь при этом трудолюбием, прилежанием, терпением, настойчивостью и в то же время молниеносной реакцией и быстротой действий [70].

Юстин рисует Филиппа человеком умным, но вероломным, коварным и алчным. Любое дело для достижения цели он не считал постыдным и обещал больше, чем выполнял. Дружил только с теми, кто был выгоден. Не лишенный красноречия, он был изобретателен и остроумен, поэтому врагов старался побеждать не в открытом бою, а хитростью. Филипп был вспыльчив, но умел скрывать свой гнев. С друзьями держался просто и был склонен к умеренности. Именно благодаря такому сочетанию пороков и достоинств Филипп, по мнению римского историка, сумел заложить основы политики, с таким успехом продолженной его сыном Алексан-

дром [15, с. 24].

Захватив золотые и серебряные рудники во Фракии, Филипп получил финансовые средства для преобразования македонской армии. По сути, он создал народную македонскую армию. Ее основу составляли пехотные части из горных скотоводов, физически крепких, способных стойко переносить голод и холод. Связанные со страной и народом, эти воины определяли характер армии. Македоняне могли выставять до двенадцати полков пехотинцев по полторы тысячи воинов в каждом. В бою они демонстрировали силу, а при голосовании на войсковых собраниях – волю македонского народа. Царю приходилось считаться с войсковым собранием, поскольку последнее могло своим решением отрешить царя от власти и выбрать другого.

Пехота делилась на тяжелую, среднюю и легкую. Основой тяжелой пехоты была фаланга гоплитов, комбинируемая с более легкими отрядами педзетайров и гипаспистов. Фаланга представляла основу македонского войска. Хотя изобрели фалангу греки, Филипп усовершенствовал ее, облегчил и сделал более маневренной. Вооружение гоплитов состояло из шлема, кольчуги, наколенников, круглого щита, короткого меча и длинного, до 6 метров, копья, называвшегося сариссой (рис. 1, 2, 3). Фалангиты обычно строились в 16 рядов, причем копья первых пяти рядов выдвигались перед фронтом, представляя для атакующего неприятеля непроницаемую стену. Следующие ряды клали свои копья на плечи

передних (рис. 4).

Элитой македонской пехоты были специально отобранные опытные бойцы – гипасписты. Они обладали неслыханной маневренностью, быстротой и способностью пробиваться через самые труднопроходимые горные области. Из этой пехотной гвардии создавались спецотряды телохранителей царя с посеребренными щитами – аригираспиды. Легкая пехота формировалась из иллирийских и фракийских лучников и пращников.

Конные гетайры набирались из знати. Они назывались «друзьями» царя и часто пировали вместе с ним. Надо заметить, что пиры и у Александра играли важную роль обмена мнениями, согласования позиций, выявления несогласных, а не были простыми пирушками. Гетайры в бою носили панцири и шлемы, даже кони были защищены броней. Поэтому они часто использовались для прорыва обороны противника. Из гетайров формировались эскадроны (илы) по 200 человек, набранных из одного района.

Кроме тяжелой кавалерии в войске была легкая кавалерия – продрома. Легкой пехотой назывались опытные метатели дротиков, лучники и пращники. В артиллерии использовались катапульты – метатели стрел, а также метательные орудия для камней. При осадах использовались тараны, «черепахи», передвижные осадные башни.

Чрезвычайно важной особенностью созданной Филиппом народной македонской армии было умелое согласование

действий разных родов войск и взаимоподдержка между ними. В бою Филипп всегда сражался в первых рядах, подавая пример воинам личным бесстрашием. Он не однажды был ранен, а в бою под Мефоной лишился глаза. Согласно древнемакедонскому обычаю, царь не должен был уступать никому в воинской доблести. Всякое иное поведение в бою лишало царя уважения со стороны солдат и командиров. Поэтому и Александр всегда воевал впереди, воодушевляя бойцов.

Создав непобедимую народную армию, Филипп начал захватнические войны. Подчинив Иллирию и Фракию, Филипп ввязался во Вторую Священную войну в Греции (355–346 гг. до н. э.) и постепенно, где силой, где дипломатией, подчинил греческие города-полисы. Решающим в этом плане было кровавое сражение при Херонее в 338 г. до н. э. Став победителем, Филипп навязал грекам принятие совместного решения о заключении вечного мира между городами-полисами. Для соблюдения договора был создан Синедрион – коллективный руководящий орган Союза греческих государств. А для проведения в жизнь военных решений Синедриона греки навечно выбрали Филиппа в качестве гегемона, то есть предводителя.

Поскольку противники Филиппа в Греции собирались под персидскими знаменами, он решил поставить перед греками идеальную и романтическую цель – войну с персами во имя отмщения за обиды, нанесенные грекам персами во время предыдущей войны. И хотя с момента ее окончания прошло

более ста лет, греки согласились мстить. Таким образом, у персидских греков была выбита почва из-под ног, а сын Филиппа II Александр III к моменту вступления на Македонский престол получил в готовом виде «маленькую победоносную войну». Это, кстати, вполне отвечало внутренним устремлениям Александра, поскольку он неоднократно выказывал зависть по отношению к отцовским победам и сожаление, что на его счет не останется ничего великого.

Филипп, отличающийся крайней быстротой действий, весной 336 г. до н. э. перебросил в Малую Азию авангард из 10 000 воинов под командованием Аттала и Пармениона, чтобы начать захват ионийских берегов. Непосредственной целью войны было освобождение западноанатолийских прибрежных городов и включение их в эллинский союз. Но для этого необходимо было завоевать всю Малую Азию вплоть до Тавра. Но сам Филипп не успел отправиться в поход, пораженный кинжалом убийцы.

Филипп был весьма любвеобилен и, как поговаривали древние, не ограничивал себя женщинами. Историк Сатир насчитывал семь жен Филиппа. В первые два года правления он имел три жены: Филу, Аудату, Филинну, однако женился ли он последовательно или одновременно, неизвестно. Брак с Олимпиадой состоялся на третьем году правления Филиппа. Судьба предыдущих его жен неизвестна.

Олимпиада была дочерью эпирского царя, умершего очень рано. Захвативший власть дядя Олимпиады Арибба

обижал и унижал сироту, поэтому она была рада выйти замуж за Филиппа и приобрести власть, присущую царице. Поначалу брак Филиппа и Олимпиады был вполне счастливым, в 356 г. до н. э. она подарила ему наследника Александра, через два года у Александра появилась сестра Клеопатра. Правда, с самого момента рождения Александра ходили слухи, что подлинным его отцом был бог Зевс. Плутарх не без насмешки затрагивает эту тему: *«Говорят также, что Филипп потерял тот глаз, которым он, подглядывая сквозь щель в двери, увидел бога, спавшего в образе змея с его женой. Как сообщает Эратосфен, Олимпиада, провожая Александра в поход, ему одному открыла тайну его рождения и настоятельно просила его не уронить величия своего происхождения»* [49, III]. Впоследствии Александр всячески поддерживал эту версию своего рождения, и многие верили ему. Иван Антонович Ефремов очень символично связал ложность версии божественности и богоизбранности Александра с неожиданностью и необъяснимостью прекращения индийского похода, о чем будет сказано ниже.

Для Олимпиады было характерно полное отсутствие сдерживающих центров. Она могла преступить любые границы, для нее не существовало ни каких-либо моральных принципов, ни традиций. Только любовь, ненависть или жажда мести могли побудить ее к действию. Но более всего на свете она жаждала власти и неутомимо и изошренно за нее боролась. Придворные Филиппа сильно недолюбливали ее за

гордыню и властолюбие; эта нелюбовь частично распространилась и на Александра, который беззаветно любил мать и сестру.

С годами Филипп и Олимпиада совершенно отдалились друг от друга, но официального развода не оформили. Филипп продолжал быть свободным в области любви, далеко выходя за границы нравственности. Олимпиада терзалась от ревности и мстила, как умела. В 46 лет Филипп женился на 16-летней Клеопатре из рода Атталидов, которая родила ему дочь, названную Европой. Позже Олимпиада приказала задушить Европу на коленях у матери и саму Клеопатру принудила к самоубийству, а Арридея, сына Филиппа, замуровала живьем вместе с женой. Впрочем, Юстин утверждает, что Клеопатру с младенцем убили по приказу Александра [75, XI; 14, 1–3]. Возможно, в данном случае верна поговорка про яблоко и яблоню.

Мальчиком Александр был чувствительным и легковозбудимым. Ему трудно было сдерживать свои страсти. Те, кто воздействовал на него добром и вызывал в нем интерес, находили его мягким и отзывчивым. По отношению к людям, пытавшимся приказывать ему, он делался непокорным, упрямым и злым. С раннего детства в нем проявлялась железная воля, непреклонность и поистине царский гордый дух. Во всем он стремился быть первым, но не разменивался на мелочи. *«Однажды, когда приближенные спросили Александра, отличающегося быстротой ног, не пожелает ли он*

состязаться в беге на Олимпийских играх, он ответил: „Да, если моими соперниками будут цари!“» [49, IV].

Особо показательной для характеристики юного Александра Плутарх считает сцену, в которой Александр объездил неукротимого Букефала. *«Фессалиец Филоник привел Филиппу Букефала, предлагая продать его за тринадцать талантов, и, чтобы испытать коня, его вывели на поле. Букефал оказался диким и неукротимым; никто из свиты Филиппа не мог заставить его слушаться своего голоса, никому не позволял он сесть на себя верхом и всякий раз взвизгивал на дыбы. Филипп рассердился и приказал увести Букефала, считая, что объездить его невозможно. Тогда присутствовавший при этом Александр сказал: „Какого коня теряют эти люди только потому, что по собственной трусости и неловкости не могут укротить его“. Филипп сперва промолчал, но когда Александр несколько раз с огорчением повторил эти слова, царь сказал: „Ты упрекаешь старших, будто больше их согласишь или лучше умеешь управляться с конем“. „С этим, по крайней мере, я справлюсь лучше, чем кто-либо другой“, – ответил Александр. „А если не справишься, какое наказание понесешь ты за свою дерзость?“ – спросил Филипп. „Клянусь Зевсом, – сказал Александр, – я заплачу то, что стоит конь!“ Поднялся смех, а затем отец с сыном побились об заклад на сумму, равную цене коня. Александр сразу подбежал к коню, схватил его за узду и повернул мордой к солнцу: по-видимому, он заметил, что конь пугает-*

ся, видя впереди себя колеблющуюся тень. Некоторое время Александр пробежал рядом с конем, поглаживая его рукой. Убедившись, что Букефал успокоился и дышит полной грудью, Александр сбросил с себя плащ и легким прыжком вскочил на коня. Сперва, слегка натянув поводья, он сдерживал Букефала, не нанося ему ударов и не дергая за узду. Когда же Александр увидел, что норов коня не грозит больше никакой бедой и что Букефал рвется вперед, он дал ему волю и даже стал понукать его громкими восклицаниями и ударами ноги. Филипп и его свита молчали, объятые тревогой, но когда Александр, по всем правилам повернув коня, возвратился к ним, гордый и ликующий, все разразилось громкими криками. Отец, как говорят, даже прослезился от радости, поцеловал сошедшего с коня Александра и сказал: „Ищи, сын мой, царство по себе, ибо Македония для тебя слишком мала!“» [49, VI].

Более всего в детстве Александра интересовали подвиги героев, древние сказания и поэмы Гомера, которые он помнил, чуть ли не наизусть. Он завидовал отцу и переживал, что тот завоюет все вокруг, не оставив самому Александру никаких объектов для побед.

В качестве учителя Александру Филипп пригласил Аристотеля. Последнему было в это время около сорока лет, он уже отказался от учения Платона, но еще не создал своего собственного. Рядом с Александром оказался один из величайших мыслителей человечества, но не почивающий на

лаврах, а ищущий и сомневающийся. Александру не могло не понравиться, что рядом с ним оказался человек, продолжающий расти и искать новое, несмотря на уже достигнутое величие. Глядя на философа, мальчик учился ценить все возвышенное и благородное, приобщался к греческой культуре. Узнавание и понимание красоты, добро и его воплощение в лучших произведениях, гармония духовного существования в целом представляли перед духовным взором Александра.

Аристотель, один из наиболее грамотных современников Александра, обучал его всему, что знал сам. Александр всей душой стремился к новому знанию, которое в то время еще не было разделено на науки в современном понимании. В результате он стал одним из наиболее просвещенных людей IV века до н. э. В числе изученных им «предметов» – философия, этика, искусствоведение, естественные науки, медицина, история, география. Будущий завоеватель, будучи ребенком, пристрастно расспрашивал персидского посла о расстояниях между азиатскими городами, будто предчувствовал, что эти дороги ему предстоит пройти. Несомненно, он очень интересовался географическими картами того времени.

Несмотря на то, что Александр обязан Аристотелю полной и глубиной своего образования, в двух пунктах он резко разошелся с учителем. Во-первых, Александр отказался от расистской позиции Аристотеля, считавшего полноценными людьми лишь эллинов, а к варварам относившегося как

к недочеловекам. В своем труде «Политика» он обосновал право эллинов быть господами других народов. Александр перерос Аристотеля в расовом вопросе. Как завоеватель и объединитель, царь новой разноплеменной империи, он перестал различать эллинов и варваров, стремился уравнивать их, чем заслужил непонимание и неудовольствие не только греков, но и македонян, разделявших взгляды Аристотеля. Одним из наиболее непримиримых «непонимальщиков» Александра в этом вопросе был племянник Аристотеля Каллисфен. Он был приглашен Александром в Восточный поход в качестве официального историографа, всецело расхваливал его в своих письмах в Грецию, пока Александр разделял идеи панэллинизма, но резко переменял свое отношение после того, как Александр дал понять, что персы для него такие же люди, как греки.

Другое расхождение Александра с Аристотелем касается более тонкого вопроса и будет описано ниже, в главе «Причины побед и поражений Александра».

С 13 до 16 лет Александр обучался у Аристотеля, позже Филипп стал привлекать его к управлению государством. Уже в 340 г. до н. э., пока Филипп ходил походом в Перинф, шестнадцатилетний Александр управлял Македонией и твердой рукой покорил восстание медов. В 338 г. до н. э. восемнадцатилетний Александр в битве при Херонее командовал одним из флангов македонской армии. Говорят, он обеспечил победу в этом бою, разбив во главе гетайров

строй непобедимой фиванской фаланги.

Между тем отношения царя-отца с царственным сыном были далеко не безоблачными. В родительском конфликте Александр неизменно принимал сторону матери. Но главной пружиной напряженности было то, что вошедший в возраст Александр боялся не получить царскую власть в обозримом будущем. Его отец, цветущий сорокалетний мужик, женившись на 16-летней девчонке, мог процарствовать еще лет сорок, а это Александра не устраивало. Он рвался к царской власти и даже попросил руки дочери правителя Карики Пиксодора. Филипп запретил Александру это своеволие.

На свадьбе Филиппа с молодой невестой Клеопатрой между отцом и сыном произошел разрыв. Вот как описывает его Плутарх: *«Аттал, дядя невесты, опьянев во время пиршества, стал призывать македонян молить богов, чтобы у Филиппа и Клеопатры родился законный наследник престола. Вбеженный этим Александр вскричал: „Так что же, негодяй, я, по-твоему, незаконнорожденный, что ли?“ – и швырнул в Аттала чашу. Филипп бросился на сына, обнажив меч, но, по счастью для обоих, гнев и вино сделали свое дело: царь споткнулся и упал. Александр, издеваясь над отцом, сказал: „Смотрите, люди! Этот человек, который собирается переправиться из Европы в Азию, растянулся, переправляясь от ложа к ложу“. После этой пьяной ссоры Александр забрал Олимпиаду и, устроив ее жить в Эпире, сам поселился в Иллирии»* [49, IX].

Олимпиада уговаривала своего брата, правителя Эпира, пойти войной против Филиппа. Александр, возможно, искал в Иллирии союзника для похода на Македонию. Дальновидный Филипп почувствовал опасность и уговорил Александра вернуться, провозгласив его по всей форме наследником престола. Примирение с Эпиром было куплено сестрой Александра Клеопатрой, которую Филипп выдал замуж за правителя Эпира, также Александра.

Летом 336 г. до н. э. Филипп во главе македонской армии был готов выступить против персов. Ему оставалось лишь выдать замуж дочь Клеопатру, сестру Александра. Но на свадебных торжествах Филипп был убит собственным телохранителем по имени Павсаний. Он умер на руках у сына. Македонское войсковое собрание провозгласило царем сына Филиппа Александра. Ему было 20 лет от роду.

Два года Александр доказывал, что власть при переходе от отца к сыну не ослабла. Многие же надеялись именно на это, но вскоре они почувствовали, сколь тверда рука и непреклонна воля Александра. Все окрестные народы были приведены к подчинению, восставшие греческие города покорены. Особенно досталось Фивам. Город был взят штурмом, 6000 защитников и безоружных горожан были безжалостно убиты, оставшиеся в живых проданы в рабство за 440 талантов. Некоторые античные авторы оправдывают Александра тем, что Филипп оставил ему 500 талантов долга. На что было содержать армию, на что воевать с персами?

Произведя зачистку в семье, устранив всех потенциальных претендентов на престол, Александр выступил в Восточный поход. «На хозяйство» в Македонии он оставил Антипатра. Ему же он оставил свои долги, а занял он перед походом 800 талантов [8, VII, 9, 6] или 200 талантов [49, XV].

Александр как личность

Александру Великому, его походу, его вкладу в становление современной цивилизации посвящена обширная литература. Однако характеристика Александра как личности противоречива. Как в древности, так и в наши дни преобладает тенденция идеализации образа Александра. Еще античные авторы характеризовали Александра как гениального полководца, мудрого, дальновидного и милостивого правителя, честного, бесстрашного и благородного человека. Дидор свой рассказ об Александре начинает так: *«В течение короткого времени Александр, опираясь на собственное разумение и мужество, совершил дела более великие, чем те, что совершили все цари, память о которых передана нам историей. За 12 лет он покорил немалую часть Европы и почти всю Азию и, конечно, приобрел громкую славу, равняющую его с древними героями и полубогами»* [23].

Плутарх сообщает, что «Александр был очень светлым, и белизна его кожи переходила местами в красноту, особенно на груди и на лице. Кожа Александра очень приятно пахла, а изо рта и от всего тела исходило благоухание, которое передавалось его одежде». *«Еще в детские годы обнаружилась его воздержанность: будучи во всем остальном неистовым и безудержным, он был равнодушен к телесным радостям и предавался им весьма умеренно; честолюбие же Александра*

приводило к тому, что его образ мыслей был не по возрасту серьезным и возвышенным. Он любил не всякую славу и искал ее не где попало, как это делал Филипп, подобно софисту хваставшийся своим красноречием и увековечивший победы своих колесниц в Олимпии изображениями на монетах. Однажды, когда приближенные спросили Александра, отличававшегося быстротой ног, не пожелает ли он состязаться в беге на Олимпийских играх, он ответил: „Да, если моими соперниками будут цари!“» [49].

«Впрочем, – говорит Курций Руф, – прекрасные качества своей души, которыми он превосходил всех других царей: выносливость в опасности, быстроту в решении и исполнении задуманного, верность слова, данного сдающимся ему, милость к пленникам, сдержанность в наслаждениях, хотя дозволенных и обычных, – все это он запятнал непреодолимой страстью к вину. В то время как враг и соперник его царской власти продолжал упорно воевать, а недавно побежденные и покоренные им с пренебрежением относились к его новой власти, он еще засветло садился за пириества, на которых бывали и женщины, да не такие, которых нельзя было оскорблять, а распутницы, привыкшие жить с военными более свободно, чем полагалось. Из них одна, Таис...» [31, 5, 7, 1–3]. Далее следует описание известного сожжения царского дворца в Персеполе. Персы так и не простили Александру этого злодейства.

«Необыкновенная щедрость, свойственная Александру

от природы, в еще большей мере, чем прежде, проявлялась теперь, когда могущество его столь выросло. При этом щедрости всегда сопутствовала благожелательность, которая одна только и придает дарам подлинную ценность. Приведу лишь немногие примеры. Аристон, предводитель пеонийцев, убил как-то вражеского воина и, показав его голову Александру, сказал: „Такой дар считается у нас достойным золотого кубка“. „Всего лишь пустого кубка, – ответил Александр, смеясь, – и я подарю тебе кубок, но сначала наполни его вином и выпью за твое здоровье“. Один македонянин из рядовых воинов гнал однажды мула, нагруженного царским золотом. Животное устало, и воин, взвалив груз на себя, сам понес его дальше. Когда царь увидел его мучения и разузнал, в чем дело, он сказал македонянину, намеревавшемуся снять с себя ношу: „Не поддавайся усталости, пройди остаток пути и отнеси это к себе в палатку“. Вообще же он больше сердился на тех, кто отказывался от его даров, чем на тех, кто выпрашивал их» [49, 43].

В походе и в битве Александр предпочитал быть в гуще воинов и разделять с солдатами все тяготы. Говорят, он знал по именам всех своих воинов-македонцев. Во время снежной бури, обрушившейся на его войско в походе на Габазу, «случайно один македонский солдат, еле держась на ногах, все же добрел, неся оружие, до лагеря. Увидев его, царь, гревшийся у зажженного костра, встал со своего места и, сняв оружие с окоченевшего и терявшего сознание воина, усадил

на свое место. Тот долго не соображал, где он отдыхает и кто его посадил; когда жизненное тепло наконец возвратилось к нему и он увидел царское место и самого царя, то в испуге вскочил. Глядя на него, Александр сказал: „Сознаешь ли ты, воин, насколько лучше жить под моей властью, нежели под властью персидского царя? Ведь там казнили бы севшего на царский трон, а для тебя это оказалось спасением“» [31, 8, 4, 15–17].

Очень человечно он поступил в пустыне, где все сильно страдали от жажды. Воины раздобыли где-то немного воды для своих детей и, проезжая мимо Александра, предложили ему воду для питья. Александр оглянулся на своих спутников, истомившихся от жажды, и отказался от нее. Наградой ему были крики восторга и уверения, что с таким царем все готовы идти на край света.

Совершенным диссонансом с этим облагороженным образом Александра являются некоторые его поступки, скрыть которые оказалось невозможным по какой-то причине.

Юстин, пересказывая Помпея Трога, сообщает: «Первой заботой Александра (по восшествии на престол. – Н. Н.) было наказать убийц отца». А затем «приказал он также убить соперника своего по праву на власть, своего брата Карана, рожденного от мачехи» [75, 11, 3]. «Прежде чем отправиться на войну с персами, Александр умертвил всех родственников своей мачехи, которых Филипп в свое время поставил во главе управления, выдвинув на самые высокие

и почетные должности [75, 11, 5, 1]. Не пощадил он и собственных своих родных, которые показались ему способными царствовать, чтобы в Македонии, когда он будет далеко от нее, не было почвы для мятежей» [75, 11, 5, 2].

После гибели Дария македонцы решили было, что война окончена и пора по домам. Среди воинов началось брожение, они отказывались идти вглубь Азии. Тогда Александр посоветовал солдатам написать письма родным, мотивируя это тем, что далее уменьшится возможность отправить письма домой из-за дальности. Письма он прочитал и всех недовольных собрал в одну когорту [75, 12, 5], чтобы либо распределить по дальним гарнизонам, либо бросить в самое боевое пекло и тем истребить. Эти сведения несколько по-иному высвечивают характер Александра.

Арриан предельно дотошно приводил диспозиции войск. Он пишет, что Александр, с трудом преодолевая сопротивление индийцев, придумал заградотряды: *«Оставшееся у него войско он разделил на три части: Гефестиона он отправил пятью днями раньше с таким расчетом, чтобы те из его солдат, которые сбегут, желая скорее уйти подальше, наткнулись бы на отряды Гефестиона и были задержаны; Птолемею, сыну Лага, он тоже оставил часть войска и велел выступить тремя днями позднее, чтобы опять-таки беглецы из его солдат, повернувшие обратно, наткнулись на отряды Птолемея» [8, 6, 4, 6].*

Курций Руф приводит сведения о том, что Александр

упорно скрывал сведения о своих поражениях. Так, отряд Менедема, посланный Александром против Спитамена, попал в засаду и был наголову разгромлен, лишь немногим удалось спастись. *«Пало в этом сражении 2000 пехотинцев и 300 всадников. Это поражение Александр ловко скрыл, пригрозив прибывшим с места сражения казнью за распространение вести о случившемся»* [31, 7, 7, 39]. Возможно, сокрытие Александром своих поражений служит причиной путаницы в его перемещениях по Скифии и Индии. Александр так и не смог победить ни скифов, ни индийцев и велел писцам Эвмену и Диодоту врать о победах (английское write читается по-русски «врать»).

Плутарх упоминает о крайнем коварстве и жестокости Александра: *«Храбрейшие из индийцев-наемников, переходившие из города в город, сражались отчаянно и причинили Александру немало вреда. В одном из городов Александр заключил с ними мир, а когда они вышли за городские стены, царь напал на них в пути и, захватив в плен, перебил всех до одного. Это единственный позорный поступок, пятнающий поведение Александра на войне, ибо во всех остальных случаях Александр вел военные действия в согласии со справедливостью, истинно по-царски. Не меньше хлопот доставили Александру индийские философы, которые порицали царей, перешедших на его сторону, и призывали к восстанию свободные народы. За это многие из философов были повешены по приказу Александра»* [48, 59].

Наконец, последнее. Когда на р. Гифасис войско Александра взбунтовалось, отказываясь идти на Ганг, но никто не решался открыто высказать неподчинение Александру, выступил один из старейших и лучших военачальников Кен и выразил общее мнение. Александр три дня не выходил из палатки, но затем отменил продвижение на Ганг. Кен же в эти дни внезапно скончался. *«Царь оплакал его, однако сказал при этом, что несколько дней назад Кен произнес длинную речь, будто один только рассчитывал вернуться в Македонию»* [31, 9, 3, 20]. Похоже, Александр отравил Кена.

Современная историография об Александре

Отношение современных историков к Александру подробно рассмотрено А. С. Шофманом [71, с. 19–38]. Из западных историков XX в. лишь двое – Нибур и Белох – оценивают самого Александра и его вклад в историю очень невысоко. Нибур вообще не находит в нем ни одной хорошей черты, а Белох противопоставляет Александра его отцу Филиппу и приходит к выводу, что Филипп гораздо значительнее своего сына. Заступив на царство, Александр получил и государство, и войско уже готовыми.

Именно Филипп превратил Македонию из маленького государства в крупную державу, именно он создал регулярную армию, способную к великим завоеваниям. Белох отрицает у Александра и талант полководца, и способности к государственной деятельности. Непосредственное участие Александра во всех сражениях в качестве рядового бойца, позволяет Белоху утверждать, что он не мог руководить этими битвами. Стратегическое руководство Восточным походом и всеми битвами Белох отдает военачальнику Пармениону, служившему еще Филиппу.

Подавляющее большинство западных историков возвеличивают Александра, идеализируют его образ, подчеркивая все положительные черты его характера и замалчивая его

дурные поступки и наклонности. Это можно четко проследить, подчеркивает Шофман, в творчестве видных представителей немецкой, французской, англо-американской и итальянской историографии. И. Г. Дройзен в первом томе «Истории эллинизма» (1890) указывает, что поход Александра ознаменовал конец одной мировой эпохи и начало другой. Он открыл Восток для Запада, создал основу для их объединения. Для покоренных народов, по мнению Дройзена, Александр был милостивым и полным отеческих чувств владыкой. Дройзену вторят Р. Пельман и Эд. Мейер.

В новейшее время тенденция идеализации Александра лишь усилилась. У. Вилькен называет Александра народным царем, делившим все трудности со своими воинами, с исключительной человечностью заботясь о своих людях, идя на личные жертвы и лишения. Вилькен подчеркивает демоническую волю Александра, основывающуюся на его абсолютной вере в свою миссию. Александра Вилькен называет врожденным полководческим гением, но на Восток, считает исследователь, он пришел не как завоеватель, а как освободитель от рабства, дающий освобожденным народам новые гуманные традиции жизнеустройства. Вилькен относит Александра к тем немногим личностям, которые открывали новые периоды мировой истории: после Александра мир стал другим и многие столетия развивался в направлении, заданном им.

Народным же царем называет Александра и Ф. Шахер-

майр. По его мнению, царь охранял права простого воина, пастуха и земледельца, за что получил верность солдат. При этом Шахермайр подчеркивает противоречивость натуры Александра: величие его заключает в себе не только возвышенное, светлое, но вместе с тем и все самое темное, в его величии уживаются одновременно нежно чувствующий друг и коварный враг, универсальный благодетель и жестокий тиран, любящий сын и бесцеремонный убийца родственников, человек, приносящий мир, и бесцеремонный насильник, освободитель от старых предрассудков и угнетатель свободы, новатор в области высшего человеческого достоинства и последовательный уничтожитель этого достоинства. Александра Шахермайр считает величайшим «чудотворцем» в истории. Он был великим полководцем, сметающим все преграды на своем пути, широко используя свои способности к ясновидению. Какая бы ситуация Александру ни противостояла, он уже знал лучшее решение [70].

Ф. Альтгейм высоко ценит мысли Александра о роли государства. Александр, по его мнению, был поэтом и творцом сверхчеловеческой величины.

Не меньшая идеализация Александра и его деятельности наблюдается, по мнению А. С. Шофмана, и во французской историографии. Пьер Жуге, Анри Берр, Жан Реми Паланк, Поль Клоше, Жюль Ромен, Жак Модель, Жан Бенуа-Мешен, М. Карпонтье наперебой нахваливают Александра как открывателя земель и организатора человечества,

творцаом нового порядка, сверхчеловека, самого благородного из людей, буйного гения, человека с пылким характером и безумной отвагой. Мечта Александра – это мечта человечества слить Восток и Запад, две половины расколотого мира. Французский историк генерал М. Карпонтье называет Александра непревзойденным полководческим гением. Благородный темперамент, страсть к действию толкали его на быстрые наступательные операции. Он любил идти на обдуманный риск; в гуще схватки сражался как простой солдат, но вначале все взвешивал и анализировал обстановку, быстро принимал решения и переходил к действию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.